

КОНЕЧНАЯ

ПАВЕЛ РЯЗАНЦЕВ

Павел Владимирович Рязанцев

Конечная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69775240

SelfPub; 2023

Аннотация

Подмосковье. Со дня падения человечества прошло несколько месяцев. Группа выживших, что сумели пережить не только ядерные взрывы, но и орды мутировавших насекомых, узнала о существовании особого места. Убежище, в котором есть всё для комфортной и безопасной жизни. Но прошлое по-прежнему скрывает тайны, о которых лучше ничего не знать...

Павел Рязанцев

Конечная

Дурное предчувствие давило похлеще тишины. Предчувствие, которое Глеб не мог объяснить или отогнать. Да, с бандой мародёров: четырьмя крепкими мужиками с огнестрельным оружием – путешествуют дети, но пухленький Максим и маленькая Настенька давно в команде, и проблем с ними никогда не было. Тихо ждут в фургоне, не скандалят, чистят оружие. Дети полка, как их назвали бы в Старом Мире.

«Старый Мир. В то время я спал на кровати, а не на чём придётся, – думал Глеб, смотря сквозь кузов фургона в прошлое, – копался в компьютерах, а не в карманах трупов и комодах».

– Чему улыбаешься?

Хриплый голос развеял ностальгию. Напротив Глеба сидел Михаил – небритый лысый сантехник, примерный семьянин и просто хороший человек. Даже сейчас, с охотничьим дробовиком в руках, он не переставал быть таковым. Просто его семьёй стала эта маленькая компания, а основной формой хороших дел – убийство всех, кто ей угрожает.

«Спрашивает, а у самого глаза смеются».

– Заразиться боишься? Не бойся, это не заразно.

Михаил хохотнул в ответ. Хмыкнул сидевший рядом Сергей: страйкболист, стрелок по бутылочкам и командир от-

ряда по совместительству. Остальные за глаза называли его Мамкой – за склонность блуждать по магазинам и теряться в них. И из-за фамилии: Мамкин.

Сергей криво улыбнулся и хотел что-то сказать, но фургон резко затормозил.

– Приехали, на! – рявкнул водитель, хотя смешной акцент не позволил испугаться. Из всей команды Аслан единственный, чья жизнь не слишком изменилась после наступления апокалипсиса: как крутил баранку, так и крутит. – Конечная!

– Чего такой злой? – Мамка мрачно покосился на шумного горца, пока Михаил открывал двери. – Пробки, что ли?

Глеб не стал ждать, пока Аслан сунет голову в пассажирский отсек высказать всё, что думает об этом рейде и о Сергее в частности. Хотелось выпрыгнуть из белого «кадди», этого гроба на колёсах, и размять затёкшие ноги. Максим с Настенькой, наверное, тоже рады бы прогуляться, но никогда не рисковали. Гигантские тараканы, грязные порождения канализационных вод, не были единственной напастью этого мира. И даже не самой страшной.

Мир встретил вооружённую троицу привычными картинами и красками. В прошлом оживлённая улица, примыкавшая к автовокзалу, напоминала беспорядочную свалку автомобилей. Из трещин в асфальте высовывались сорняки и соцветия одуванчиков, что не желали умирать. Возможно, сил им придавали бурые пятна крови, оставшиеся от тел, давно разорванных на куски. Кое-где ещё лежали обглоданные

останки; в разбитом черепе копошились то ли муравьи, то ли черви. Кроме собственных шагов, Глеб слышал лишь свист ветра. Михаил вертел головой, высматривая угрозу. Сергей старался не наступать на опавшие листья – привычка, всплывавшая в моменты беспокойства. Похоже, мрачное предчувствие, тревожившее бывшего программиста, оказалось заразнее улыбки и теперь довлело над остальными.

– Ты так и не сказал, зачем мы здесь, – прошептал Глеб и вздрогнул, когда Сергей резко вышел вперёд него.

– Метро видишь? – Сергей указал на наземный вестибюль. – За полгода до Большого Трындеца в шахте начали строить бункер. Ну, типа бункер. Заныкаться туда никто не успел, а вот припасов понатащить – успели. Так что... – Сергей многозначительно улыбнулся. Глеб тоже улыбнулся, но в душе сомневался: столько времени прошло, кто-то мог опередить их.

«Да и откуда Мамка, блин, узнал о каком-то там бункере? Это же государственная фигня, секретная...»

– А откуда ты... – начал было Глеб, но осёкся, испугавшись эха собственного голоса. Мародёры уже достигли вестибюля. «Станция метро Котельники» – гласили красные буквы над головами, а ступени уходили в темноту. Приглядевшись, можно было увидеть узкую полоску плитки. Хмурое осеннее небо не позволяло рассчитывать на большее. Сергей дал Михаилу сигнал идти впереди. По выражениям лиц обоих было видно, что никто не горел желанием спус-

каться первым – даже с дробовиком наперевес. Однако процесс «слаживания», после которого банда сократилась чуть ли не вдвое, а освободившиеся места в фургоне заняли дети, остался позади. Препираться и спорить никто не стал.

Михаил включил подствольный фонарик и начал спускаться, больше глядя под ноги, чем перед собой. Сергей поспешил высветить теряющуюся во мраке спину нагрудным фонариком и, как командир, пошёл в середине, а Глеб замкнул колонну.

Ближе к низине, где гул ветра слаб, раздавался звук капавшей воды; свет от фонариков отражался в мутноватых лужицах. Из тьмы доносились лёгкие шаги, словно кто-то очень маленький убегал от снующих по полу и стенам лучей. Ступени кончились. Тьма окружила команду плотной завесой; вопреки опыту и верному оружию в руках, в глубине души люди чувствовали себя маленькими и беззащитными. Это был не первый спуск Глеба и остальных в подземку. Однажды они сунулись на Кропоткинскую, но вместо чего-либо ценного нашли лишь неприятности: им на голову посыпались тараканы-переростки. Буквально.

«Может, поэтому у меня дурное предчувствие? Жаль, без огнемёта идём. У тараканов панцирь что броня. Аслан, чумазая ты скотина! “Э-э, слышишь, да! Мне бензин тут нужен, слушай!” Сдался бензин мёртвым и обглоданным...»

Привычный в прошлом коридор с типовой облицовкой без освещения казался локацией из фильма ужасов. Фона-

рик Михаила высвечивал куски сброшенного хитина, разводы коричневой слизи и обрывки ткани. И снующих между ними тараканов. По крайней мере, маленьких. Под ногами то и дело хрустело. Лицо Глеба скривилось. К некоторым вещам тяжело привыкнуть.

Туннель за поворотом стал шире и выше. Заблестело битое стекло. В углу развалился скелет, облачённый в деловой костюм, белую рубашку и галстук. Рядом лежал саквояж. Едва ли в нём могло быть что-то ценное в новом мире, но руки Глеба зудели от желания порыться внутри. И, похоже, не только у него.

– Не трать время, – шепнул Мамка, касаясь спины Михаила, – там мусор, а у нас здесь дела поважнее.

– Где он, твой бункер? – Михаил через плечо посмотрел на командира, но всё ещё держал ружьё наизготовку. У семьянинов сильные руки.

– В шахте. Вход через техническое помещение на краю платформы.

Они дошли до касс. Под ногами лежали кости не одного десятка человек. Они были не просто обглоданы, их буквально разорвали на куски, а остатки растащили в разные стороны. Сергей сплюнул и матюгнулся, досадуя, что у него сейчас не было огнемёта.

– Думаешь, эти твари где-то здесь? Жрать-то им больше нечего.

– Без понятия. Смотри под ноги!

На их шёпот гулко ответило эхо. Направленные в одну сторону фонари не могли показать, сколь обширна платформа, но уходящая далеко за пределы полосы света тьма не позволяла усомниться в её длине. Берцы по-прежнему приглушённо стучали по плитке, но хруст хитина, костей и прочего мусора под ногами как будто прекратился. Это странно: не могло же стать, что кроме бедняг в вестибюле и на лестнице больше никто не погиб.

Глеб хорошо помнил, как всё завертелось, когда по всему миру грянули взрывы. Люди в эпицентрах падали замертво от адского излучения, а потом всё ушло вниз: в канализацию, захоронения, в самые тёмные уголки тоннелей метро – и спустя несколько неимоверно коротких циклов из личинок начали вырастать настоящие монстры.

«Стою я в гараже, пока Саид ковырялся в движке моей ласточки, – Глеб вспомнил рассказ Аслана, – ем чебурек: жирный, пахучий, просто «м-ма» – причмокнул тогда водитель. – Вдруг гляжу: из сортира выползает таракан размером с... хрен его знает, с мышь! С крысу! С собаку, слушай! Ещё скрипит своим проклятым панцирем, ходулями своими! У меня глаза чуть на лоб не полезли, а Саид не слышит. Он, брат, когда работает, вообще ничего не слышит. И вот эта гадость коричневая встала как оглушённая, значит, повернулась в мою сторону, крякнула, что твой гусь... Я не шучу! Не смейся, слушай...»

– Глеб, блин, не спи! – Мамкино шипение выдернуло из

воспоминаний в реальность, словно на мороз из тёплой прихожей. – Ты тут чуть себе ногу не сломал, лунатик!

Глеб посветил фонариком под ноги: он действительно стоял на краю платформы, рискуя провалиться в щель между полом и вагоном. Похоже, что так называемый Большой Трындец накрыл станцию посреди ночи перед техническим перерывом. Иначе как объяснить отсутствие трупов или их останков?

– Почему здесь так чисто? – прошептал Михаил, приближаясь вместе с Сергеем к Глебу. – Словно уборщицы полы надраили.

– Похоже, здесь никого нет, – Сергей опустил оружие. – Теперь надо найти проход к бункеру.

– Ты говорил, это техническое помещение.

– Да. Дверь должна быть где-то в стене, – Сергей указал лучом света в сторону рельс. – Надо искать, он на той или на другой стороне.

– Остальных позовём? – Глеб покосился на вагон, невольно представляя свои ощущения, если бы его не остановили, и он сломал ногу. Поморщился. – Здесь вроде чисто. Да и быстрее будет.

– Не-а, пусть сидят. Сначала проверим одну стену, потом вторую. Я с Глебом пойду внутри вагона, а ты, Миша, идёшь снаружи. Прикроешь, если что.

Так и сделали.

Глеб проследовал за Мамкой в вагон, благо двери – как

минимум, ближайшие – оказались открыты. Мёртвая тишина, прерываемая шагами и короткими фразами, давила на мозг, но пронзить её выстрелом или ударом о стекло оказалось... страшно. Словно обглоданные трупы, что должны были валяться у троицы под ногами, вместе с падальщиками вернуться на шум.

Пока Сергей методично, вагон за вагоном, искал на стене нечто, что приблизит его к цели, Глеб не находил себе места. Крошечные детали, бросавшиеся ему в глаза со всех сторон и совершенно ничего не значившие для остальных, роились в мозгу. Что-то важное и зловещее складывалось из отсутствия осколков на сиденьях и полу под выбитыми стёклами; из блестящего, будто вылизанного пола; из неестественной пустоты станции метро – места, где за считанные мгновения погибли сотни, а то и тысячи людей.

За спиной Глеба раздался писк – как от смятой резиновой куклы. Стрелок дёрнулся и едва не высадил половину обоймы в темноту, а то и в спину командира. Мамка оглянулся на товарища, но тут же вернулся к поискам. Михаил снаружи поравнялся с остальными. «Что случилось?» – читалось в его глазах. Глеб отмахнулся, понурился взглядом: «Ничего. Все в порядке».

Снова писк и возня. Глеб устало навёл фонарь на источник звука. Всего лишь крыса. Нервный смешок заставил Сергея еще раз отвлечься от поисков. Он видел лишь спину Глеба и высвечиваемые фонарём куски реальности. Малень-

кий мусорщик, похоже, не пытался убежать ни от человека, ни от света, что ослепительно отражался от поручней.

Глеб нагнулся, а затем раздался хруст. Бывший программист развернулся и, посеревший, отшатнулся в сторону Сергея.

Крыса распласталась под сиденьем. Её голова была свёрнута набок. Взгляд маленьких глаз сновал из стороны в сторону, а пасть смыкалась и размыкалась в писке. Сергей невольно представил, что у крысы его лицо, и это он, сломанный и беспомощный, с бешено вращающимися глазами кричит от боли и бессилия. Ни пошевелиться, ни быстро умереть.

«Капец... Псих отбитый!»

Сергей приблизился к изувеченному полутрупю. Теперь крыса смотрела на него; морда подёргивалась, зрачки как будто норовили обратиться внутрь черепа, но зверёк из последних сил старался глядеть на двуногого гиганта.

Взгляд, похожий на человеческий.

Сглотнув, Сергей занёс ногу.

За мгновение до того, как пол забрызгало кровью и потрохами, губы крысы сложились в подобие улыбки.

Хруст черепа смолк в ушах и моментально сменился нетвёрдой поступью Глеба. Он ушёл вперёд, но выискивать вход в бункер не продолжил. То и дело он цеплялся за поручни – случайно или намеренно. Сергей с брезгливым прищуром попытался оттереть прилипшую к подошве мерзкую ка-

пицу о сиденье. Та отпускала с неохотой; от липкого звука, словно холодец по тарелке размазывали, пробивало на стон.

Вдруг сверху занялось гудение. Все встрепенулись и вскинули оружие. На стенах и полу вспыхнули расплывчатые полосы белого света; посередине зала возникли колонны, скамейки, напоминавшие помесь решета со столом для пикников, кадки с высохшими растениями. Михаил и Глеб вопросительно взглянули на Сергея. Тот лишь напряжённо потряс головой. В других обстоятельствах его нервная улыбка развеселила бы, но сейчас она вызывала лишь дрожь в коленях.

Глеб заметил ближайшую открытую дверь и выскользнул наружу, глядя под ноги. Боковым зрением он заметил движение: Михаил подал Сергею сигнал, чтобы тот вышел и посмотрел. Сам же Михаил стоял, не спуская глаз с конца перрона – и не опуская дробовик.

То, чего компания ожидала найти меньше всего, нашло их само.

– Ух ты, чёрт... – прошептал Сергей и вздохнул как от усталости. – Ладно, пошли. – Командир перехватил автомат и двинулся вперёд. Остальные – следом, готовые взять цели на прицел.

В конце вестибюля, у самого туннеля стояли люди. Пятеро: двое мужчин и три женщины – молча и неподвижно ждали, пока команда с оружием наготове приблизится к ним. По бокам стояли мужчины. Если бы не висевшие на груди пистолеты-пулемёты, их можно было бы принять за актёров,

снимающихся в кино: гладко выбритые, причёсанные (даже вылизанные), в наглаженных белых рубашках, жилетках и брюках и в лакированных туфлях. Бледные, одинаковые, словно восковые лица, казалось, вовсе не шевелились, как и их обладатели. Лишь нетерпеливое переминание с ноги на ногу и покачивание женщин снимало жутковатую иллюзию, что перед мародёрами лишь статуи или манекены, невесть как оказавшиеся под землёй.

Хозяйки станции, как и их защитники, на вид принадлежали не этому миру, а старому. Старшая – седая, горбатая, с испещрённым морщинами лицом с острыми чертами, в синем фартуке поверх тёмной водолазки – стояла впереди группы, держа в руках швабру. Невысокая и потрёпанная временем, она глядела на вторженцев широко распахнутыми глазами с такой неприязнью, на какую способны лишь старухи при встрече с молодыми. По левую руку от неё стояла полная – быть может, беременная – женщина на две головы выше, с гладким округлым лицом, короткими чёрными волосами, одетая в бежевую мешковатую одежду. Её маленькие сощуренные глазки сверкали недоверием, а нижняя губа застыла выпяченная, словно в ироничной усмешке. Позади, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, ожидала высокая девочка-подросток, телосложением напоминавшая вешалку с платьем. Огромные, как у куклы, глаза искрились причудливой смесью восторга и страха – то ли перед мародёрами, то ли перед старшими.

«Наверняка они из бункера!»

Чем ближе Сергей, Михаил и Глеб подбирались к подземным жителям, тем большее беспокойство их охватывало: шаги замедлялись, пульс учащался, а руки так и норовили поднять оружие.

«Что-то не так с этими людьми...»

Глеб не выдержал и поднял автомат. Сергей с Михаилом, заметив это, также взяли всех на мушку, на всякий случай. Мамка хотел было что-то приказать, например: «Никому не двигаться», – но этого не потребовалось. Мужчины в костюмах так и не шелохнулись. Женщины, казалось, тоже. Лишь выражения лиц переменились, теперь в изгибах рта и бровей читались порицание и возмущение.

Девочка-подросток смотрела на Глеба, её взгляд перебегал с оружия на лицо, на руки, снова на оружие. Тонкие губы изгибались, словно девочка мыслила вслух и в последний момент одёргивалась, сдерживала поток слов. Она не смотрела на других, а ведь Михаилу с Сергеем, как и самому Глебу, ничего не стоило нажать на спусковой крючок и отправить её к праотцам. Но они не интересовали девочку от слова совсем. От этого Глебу становилось не по себе.

«Что же с тобой, кикимора, не так?!»

Во рту пересохло. Палец чесался на курке. Глеб бросил взгляд на Мамку, ища поддержки или предостережения, но с командиром тоже творилось что-то неладное. Он лихорадочно обводил взглядом конкурентов (а кем ещё они мог-

ли быть в этом мире?!), и с каждой секундой его лицо всё сильнее выражало отвращение. При взгляде на мешковатую одежду он скривил рот, словно видел не складки цвета чищеного банана, а выглядывающий между свитером и джинсами целлюлит.

Девочка сделала робкий шаг.

Глеб вздрогнул.

Раздался выстрел. Пуля угодила девочке в плечо, тело развернулось по инерции. «Старшая» и «средняя» нахмурились.

– Твою мать! – обречённо прошипел Сергей, и открыл огонь. Михаил поддержал. Трясшемуся от прилива адреналина Глебу ничего не осталось, кроме как присоединиться к обстрелу.

Град пуль слепо обрушился на безоружных женщин и их вылизанных «защитников». На белоснежных рубашках выступили многочисленные красные, почти чёрные пятна, а их обладатели опрокинулись на пол, не успев даже поднять автоматы.

«Они словно и не собирались их поднимать, – промелькнуло в мозгу горе-налётчика, пока тот разряжал остатки обоймы в старуху. – Они вообще не шевелились. Что за долбаные манекены?!»

Стрельба оборвалась столь же резко, как началась: в магазинах автоматов и в помпе дробовика закончились патроны. Но мародёры не торопились перезаряжать оружие. Что-

то пошло не так. Ещё когда звучали взрывы пороха и лязг затворов, за вспышками и дымом виднелось нечто, вытеснявшее кураж и замещавшее его чем-то холодным и липким. Чем-то похожим на страх.

Пальцы Михаила разжались, лишь ремень не дал его ружью выпасть из рук. У всех троих слова застряли в горле.

Женщины всё ещё стояли.

У ног старухи лежали пули. Некоторые из них были деформированы, сплющены как после столкновения с камнем или танковой бронёй. Упитанная женщина шаталась на месте, словно вытряхивала воду из ушей после купания. И на пол действительно падали... пули. Они сыпались из складок, из разрывов в ткани, будто толстый слой жира остановил свинец, не дав ему добраться до костей и органов, а теперь выдавливал его из ран. Лишь ручейки пузырящейся жидкости, похожей на банановый молочный коктейль, да гримаса боли на лице «живой губки» свидетельствовали о том, что пули действительно достигли своей цели, а не были рассыпаны под ногами просто так.

Девочка-подросток, шатаясь, заковыляла к обидчикам. Теперь уже Глеб выпустил оружие из рук. Платье под шквалом огня превратилось в лохмотья, в прорехах виднелись обрывки блеклой, почти серой кожи, а из многочисленных царапин сочилась светло-зелёная жидкость. Оголённая плоть не была розовой и не казалась мягкой. Глеб не обладал стопроцентным зрением – мало кто им обладал – но того, что

удалось сберечь, хватило бы, что различить пучки красных волокон. Но их не было. Глаза различили лишь однотонные полосы чего-то плотного и неестественного по цвету: смесь зелёного, жёлтого и светло-серого.

Лицо девочки исказилось гримасой гнева на грани с помешательством, когда она вышла вперёд своих товарок.

– Вы всё испортили! – провизжала она ломающимся голосом, после чего её, к ужасу мародёров и неудовольствию выживших после обстрела, вырвало чем-то белым и пенистым. – Я... – хрипела она, подхватываемая двумя парами женских рук, – это всё из-за вас... как больно...ломит...

– Ну вот, вы её спровоцировали! – громко и с укором проворчала «губка для свинца», бросая взгляд на растерявшихся стрелков. – Бегите теперь! А то она за себя не отвечает!

– Убирайтесь! – процедила старуха, и, словно подкрепляя её слова, раздался треск хитина. Ему вторило сверлящее уши жужжание. Жужжание тучи незримых насекомых медленно надвигалось на мародёров со стороны женщин.

– Да блин! – вырвалось у Сергея, и он попятился. Остальные стрелки в недоумении обернулись на командира. – Уходим! – крикнул Сергей, бросаясь наутёк к выходу, что десять минут назад был для команды входом.

Михаил плюнул – то ли от досады, то ли от осознания собственной беспомощности, главный-то не он, – и побежал вслед за Мамкой.

Гул и жужжание нарастали, у Глеба не оставалось иного

выхода, кроме бегства. Стук сапог и бряцанье пластика и металла заглушали нараставшую какофонию за спиной, но полностью вытеснить её не могли. Перед глазами всё ещё стояла сцена с девочкой, блюющей чем-то нечеловеческим. Оглянувшись на бегу, Глеб увидел, что первая жертва натянутых нервов стояла на четвереньках; её руки казались неестественно выгнутыми, словно к локтевым суставам вместо кистей крепились костяные ледорубы. Подросток тряс головой, словно припадочный, выпученные глаза косили в разные стороны и лезли из орбит. К уже довлеющему над мародёрами шуму добавился рёв от мучительной боли и треск ткани и кожи. Со старухой тоже что-то происходило: она скрючилась в три погибели, а горб её чернел, рос в высоту и в ширину.

Глеб не собирался наблюдать за тем, что случится дальше, или что происходит с третьей женщиной. Любопытство полностью уступило инстинкту самосохранения, и теперь взгляд следил только за спинами товарищей и за тем, чтобы ноги не запнулись о ступени и мусор.

Перрон остался позади. Мародёры уже взбирались по лестнице, покидая злополучный вестибюль, когда крик и гул, затихшие было в отдалении, начали стремительно приближаться и нарастать.

– Быстрее, быстрее, чтоб вас! – цедил Сергей, оглядываясь на товарищей. Едва ли они могли его услышать, сопя и шаркая по асфальту, но промолчать командир не мог. Сколько

бы рейдов не было у мародёра за плечами, он не станет военным. И нынешнее отступление – далеко не тактическое, а обыкновенное бегство. Но не беспорядочное.

Фургон ждал там же, где его и оставили. В окне кузова маячило лицо Настеньки; видимо, Максим подсаживал девочку. Если бы не необходимость смотреть под ноги, Глеб, как и остальные мародёры, заметил бы, что «дочь полка» с ужасом следила за чем-то за их спинами.

За чем-то, что вышло из метро вслед за мужчинами и стремительно приближалось.

Когда бежавшему впереди Сергею осталось не более десятка метров до фургона, дети распахнули двери в салон. Из кабины высунулся Аслан.

– Скорее! Залезай скорее! – крикнул он почти без акцента. Затем перевёл взгляд на что-то позади Сергея. И это точно были не Михаил с Глебом – они едва ли могли напугать Аслана своим видом, даже если бы ползли к точке эвакуации на четвереньках. Но глаза горца говорили обратное: нечто жуткое, мерзкое и противоестественное приближалось к передвижной крепости. Аслан, недолго думая, вернулся за руль и вдавил педаль газа в пол.

Завизжали шины; взмокший Сергей едва успел запрыгнуть в салон прежде, чем фургон сорвался с места.

– А-а-а! Чтоб тебя! – вскрикнул Сергей, ища, за что зацепиться.

– Дядя Аслан, а остальные?! – подала голос Настенька.

Водитель, пересиливая себя, удерживал низкую скорость: стрелка спидометра застыла на отметке двадцать километров в час.

Мужчины с трудом добежали до машины. Глеб едва не промахнулся, ныряя в кузов, что могло стоить ему жизни, но его спасла пара детских рук, вцепившаяся в разгрузочный жилет.

Михаила от кузова отделяли жалкие полметра, когда его красное от натуги лицо озарилось отчаянием: он понял, что ещё немного, и его ноги подкосятся. А бежать ещё быстрее он просто не мог...

Ситуацию спас пришедший в себя Сергей. Он, страхуемый детьми и хрипящим Глебом, высунулся из кузова и практически затащил задыхавшегося семьянина внутрь. Шустрые дети захлопнули двери.

– Гони, гони! – крикнул Аслану Сергей. Повторять не пришлось.

Все спешно расселись по местам. Тяжёлое дыхание поначалу перебивало шум мотора, а в кузове стало невыносимо жарко; пот стекал с лица и капал с кончиков пальцев. Затем в воздухе повисло молчание, и полминуты никто не мог проронить ни слова. Даже водитель, казалось, пытался переварить нечто, что он не должен был увидеть, но увидел.

Наконец, когда мир перед глазами перестал плыть, лёгкие – гореть, а в голове поутихла барабанная дробь, Глеб прошептал:

– От чего же мы бежали? – и взгляд его поднялся на Сергея-Мамку. Тот ответил не сразу, словно раздумывал. Вдруг его лицо затряслось и исказилось мерзкой ухмылкой. Взгляд, поначалу обращённый куда-то в пол, медленно поднялся вверх – прямо на сидящую напротив него Настеньку – и командир рассмеялся. Поначалу беззлобно, но затем от всё более каркающего смеха и выпученных глаз по коже всех присутствующих прошёл холодок.

Наконец, Мамка выдавил из себя:

– От баб, мужики! Смех и грех! ОТ БАБ!!!

Не зная, как реагировать, Максим усмехнулся, а Настенька вопросительно посмотрела на Михаила. Тот глупо улыбался...

Вдруг машину тряхнуло, словно в бок на всей скорости въехал велосипедист.

– Вай, мама! – вскрикнул Аслан, выкручивая руль в противоположную от толчка сторону.

Снаружи кузова послышалась возня, словно кто-то карабкался по крыше и стенам. Дети испуганно вертели головами. Михаил торопливо, но без суеты перезаряжал дробовик. Сергей отдал свой автомат Максиму, а сам выхватил из кобуры пистолет. Ребёнок, получив в руки оружие, успокоился и принялся искать взглядом снаряженный магазин или короб с патронами.

Глеб не мог пошевелиться. Ему казалось, что он слышит крики. Те же крики, что слышал в метро.

Удар. В стене над головой Сергея образовалась узкая вмятина, как от удара киркой или кувалдой. Настенька пронзительно завизжала. От неожиданности командир выронил пистолет и, недолго думая, бросился за ним на трясущийся пол. Михаил как раз закончил перезаряжать ружьё. Глеб, наконец, пришёл в себя и отстегнул пустой магазин.

Ещё один удар. И ещё. Ещё!

–Обшивку попортил, гад! – выдохнул Михаил и выстрелил.

– Ай, чтоб тебя! – верещал Аслан, выпуская руль из-за неожиданно громкого выстрела. Остальные также схватились за уши и повалились под сидения. Только сам стрелок, морщась, собрался передёрнуть помпу для следующего выстрела. Но не успел: фургон занесло так, что Михаил потерял равновесие и едва не выронил ружьё.

В обшивке образовалась дыра. Естественный свет разлился по противоположной стене, но ненадолго: в пробоину вклинилось нечто мерзкое и странное. Оно походило на шипастый ледоруб, сделанный из кости или иного природного материала. В длинных шипах, зацепившихся за край пробоины, угадывались пальцы, вывернутые и лишённые кожи и плоти; твёрдые, но подвижные.

В уши ударил отвратительный скрежет. Костяное орудие расширило рану автомобиля и принялось разрывать стену, планомерно продвигаясь вбок.

– Стреляй, Глеб! – Сергей подобрал пистолет и уже раз-

рядил половину обоймы в металл. – Стреляй!

Глеб уже перезарядил автомат, но вместо того, чтобы выпустить очередь в потолок, он затаил дыхание. Что-то внутри подсказывало: даже если опустошить весь рожок, ничего хорошего не случится. Единственное, что оставалось – это увидеть тварь воочию.

Долго ждать нее пришлось. Существо подползло к краю крыши и свесило голову. На Глеба уставились два огромных жёлто-зелёных глаза с крошечными зрачками. Глазные яблоки выпирали из глазниц. Стучащие зубами челюсти выглядели как человеческие, но располагались горизонтально, будто жвала насекомого. Пробоина была слишком узка, чтобы увидеть целиком, но от макушки монстра шли отростки толщиной с палец, утончавшиеся по мере отдаления от головы.

Оно не выглядело как обычное мутировавшее насекомое, но и абсолютно точно не являлось человеком.

– Что за хрень?! – взвизгнул Сергей, отчаянно щёлкая пустым пистолетом в лицо (?) существа.

– А-а-а-а!!!

Глеб оглянулся. Кричали из водительской кабины.

«Ну всё, конец!» – успел он подумать, прежде чем фургон подскочил и завалился на бок, а сам бывший программист лишился чувств от удара головой.

В лобовое стекло влетело гигантское чёрное насекомое со старушечьим лицом.

– ...опять стирать эти рубашки. Ещё и штопать! Нет, было бы здорово и растенья в кадках удобрять-поливать, но воду лишний раз потратить страшно.

– И не говори. Мыла-мыла весь пол, аж поясницу замкнуло – еле встала утром, так эти приехали и насвинячили! Козьим горошком своим насвинячили, Петрушу с Витей угробили, прости Господи!..

Обрывки фраз долетали до Глеба и постепенно вытаскивали его сознание из пучин забвения. Голоса, шаги, возня – всё приближалось и приближалось, пока не достигло предела громкости. Тело болело от неудобной позы. Единственное, что оставалось – это разлепить веки.

Серый бетонный пол. Блестящие коричневые стены. Искусственный свет не раздражал глаза, но от знакомого гудения мутило. Глеб попробовал пошевелиться; самое большое, что ему, привязанному к вертикально стоящему хирургическому столу, удалось – это повернуть голову.

Немигающий взгляд Аслана. Кровь, капающая из пробитого виска. Глеб в ужасе отвернулся...

– Не бойся, солнышко! С нами ты в безопасности, здесь тебя никто не обидит.

...но это не спасло. Старуха с горбом стояла спиной к нему и держала в морщинистых ладонях ручку перемазанной зелёной Настеньки. Заметив, что экс-программист очнулся, девочка заволновалась, но горбатая не дала ей даже

пикнуть.

– Пойдём, моя хорошая, поищем тебе новое платьице, – и увела не особо упиравшегося ребёнка из комнаты. Глеб не рискнул крикнуть вслед, и они исчезли из виду. Лишь после этого страх уколол разум, и парень попытался. Но не смог.

– Очнулся, доходяга.

Голос принадлежал «губке для пуль», но в поле зрения влезла первая жертва расстроенных мужских нервов. Под-ростковых черт в её облике стало меньше, и девочка-кошмар выглядела вполне себе девушкой. Бегающий взгляд и непо-стоянная мимика не исчезли, но обрели новые смыслы. Сму-щение, обида, затаённая радость, стеснение – всё мелькало на лице, пока девичий взгляд сновал по телу Глеба, словно муха по свежевывытому зеркалу.

– Что, Манюша, в сердце запал?

Позади Манюши у стены располагался кухонный остров с плитой, а на ней стояла огромная кипящая кастрюля. «Губ-ка для пуль» помешивала воду, бросая взгляд куда-то мимо Глеба.

«Вот блин...»

Рядом были привязаны Сергей с Михаилом. Рты у обоих также залепили скотчем. Мародёры находились в сознании и извивались так, словно что-то копошилось во внутренно-стях. От вида агонизирующих товарищей Глеба пробило на дрожь.

«Что же будет со мной?»

– Ну что ты, тётя Лен, – покраснела Манюша. – Скажешь ещё!

– Да ладно заливать! Вижу же, что запал. Я такие вещи всегда замечаю, можешь даже не шифроваться. Или, думаешь, я просто так в него ещё не подселила?

«Подселила?! Что эта клуша несёт?..»

Вдруг Сергей забился затылком о стол. Скотч запер крики в горле, но и то мычание, что пробилось, пополам со стуком наводило на жутчайшие подозрения.

«Подселила...»

Вдруг его живот с треском лопнул. Из-под одежды на пол хлынула содрогающаяся кровавая масса, кишевшая опарышами.

Сергей Мамкин затих. Навсегда затих.

– Ха! Ишь ты, неживчивый какой, – усмехнулась тётя Лена, на всякий случай отходя от кровавого месива. Под трупом стремительно разрасталась лужа.

Михаил тоже затих, но не умер. Теперь он не дёргался, а лишь смотрел перед собой пустым, ничего не выражающим взглядом.

– Вот мужчина! – одобрительно качала головой тётя Лена, пока Манюша отвязывала «мужчину» от стола. – Уживчивый, неболтливый, мужественный. Прямо как Петруша. Будешь у меня Василием! Подожди, вот причешу тебя, побрею...

Новоиспечённый Василий нечленораздельно промычал.

В дверях снова появилась горбатая старуха.

– Ну, как там наш мальчик?

– Нормально, Ирина Фёдоровна, – весело ответила тётя Лена, – почти доварился, скоро будем ужинать.

– Нет, Леночка, я про *этого* бедокура. – Костлявый палец ткнулся Глебу в бок.

– А, этого...

– Ну что, мил-человек, – обратилась к нему старуха. – Думал, покуролесил, вскружил девушке голову, пролил её кровь – и наутёк? Непорядочно, непорядочно так поступать! Верно говорю?

Тётя Лена хохотнула. Манюша отвернулась.

– Смотри, как зардела, красавица моя! – продолжала горбатая. – Чистое сердце, неиспорченная душа. А ты! Эх-х... Ну, ладно. Вижу я, что глубоко внутри ты юноша порядочный. А раз так, то должен, как порядочный юноша, на девушке жениться! А не так: поматросил и умер.

Тётя Лена подтащила слабо упирившуюся девушку к хирургическому столу с Глебом.

– Ну-ну, Маша, не скромничай!

– У меня к тебе, мил-человек, один лишь вопрос остался...

Перед едва сдерживающим слёзы Глебом встала вся троица, все внимательно смотрели ему в глаза. Манюша улыбнулась: сперва мелко, нерешительно, одними губами, а затем и по-настоящему.

– Ты кивни только – и начнёшь новую жизнь! – с улыбкой подбадривала тётя Лена.

Манюша сложила руки на груди в ожидании.

Глеб понимал, что у него нет выхода.

– Новую и счастливую... – восторженно прошептала девушка. Её глаза выпучились, а руки изогнулись в богомольи лапки.

– ... хоть и не очень долгую.